

Полесско-восточнорусские фонетические изоглоссы позднепраславянского происхождения*

1. Восточнославянский диалектный континуум неоднороден по происхождению. Он сформировался в результате конвергенции позднепраславянских “племенных” диалектов. В X–XI вв. в Восточной Славии говорили на значительно различавшихся между собою диалектах. Многие современные изоглоссы, проходящие внутри восточнославянского диалектного континуума, имеют позднепраславянское диалектное происхождение – иными словами, относятся к эпохе до падения “слабых” *ъ и *ь. О древних изоглоссах, оставшихся на восточнославянской территории от племенных диалектов, см. [1; 7–11].

В настоящем докладе рассматриваются две полесско-восточнорусские изоглоссы: судьба предударного ятя (праслав. *ĕ) и переход праслав. *ďъп- > *ďъп-. С этими изоглоссами может быть поставлена в связь изоглосса восстановления (или сохранения?) суффиксального раннепраслав. *ĕ (> *а в большинстве славянских языков) в глаголах класса *kričati, *dyšati, *dyžati.

1.1. Северные диалекты украинского языка (восточно-, средне- и западнополесский) [АУМ I, к. 9], белорусские западнополесские (брестско-пинские) говоры, большая часть говоров, относящихся к юго-западному диалекту белорусского языка [2, 55], а также полесские говоры Восточной Белосточкины образуют обособленную историко-лингвистическую зону внутри восточнославянского диалектного континуума. Эту зону можно называть *припятско-словенской*, так как она соответствует территории в бассейне Припяти, которую в VII–XII вв. населяли славяне пражско-корчакской археологической культуры и их потомки [8, 319]. Также ее можно называть *дулебской*, так как носителей лука-райковецкой культуры можно отождествлять с *дулебами*, названными в *Повести временных лет* [8, 320].

---

* Работа выполнена при поддержке программы Президиума РАН “Традиции и инновации в истории и культуре” (проект “История восточнославянского лингвистического ландшафта”).

1.2. Наследники лука-райковецкой культуры, волыняне, дреговичи, древляне и поляне X–XII вв. говорили на *древне-волыньском, дреговичском и древляно-полянском* племенных диалектах¹. Эти племенные диалекты возникли в результате дробления позднеславянского дулебского диалекта, который ниже называется *дулебским праязыком* (ПД).

1.3. Дулебский диалект характеризовался рядом концентрических изоглосс, подробно рассмотренным в [6, 102–109], которыми он был противопоставлен сопредельным диалектам – днестровско-хорватскому, радимичскому и кривичскому. Эти изоглоссы относятся к позднеславянской эпохе и возникли до падения “слабых редуцированных” гласных. В числе концентрических дулебских изоглосс выделяется следующая, описывающая два связанных между собою явления:

Праславянские долгие гласные *ě и *ę имели в дулебском диалекте двоякие рефлексy:

1) долгие *ē < *ě; *ǣ < *ǣ̄ < *ę и *ǣ < *ja² – под ударением и в безударных открытых конечных слогах;

2) краткие *e < *ě; *æ < *ǣ < *ę – в других безударных позициях³.

Современное распределение рефлексов *ě и *ę подтверждается данными североукраинских памятников XVI–XVII вв. [3, 80–153].

Праславянские краткие *e, *o:

1) удлинялись перед слабыми *ь, *ь под ударением с ПД рефлексами *ē, *ǣ̄, *ō и

2) не удлинялись в безударной позиции [АУМ I, к. 11–13, 15, 16, 43, 44, 48–51, 53–57, 64–66, 68, 69; II, к. 10, 11, 13, 14, 30, 31, 42, 45, 46, 53; III, ч. 3, к. 7, 10, 30; ДАБМ, к. 8, 9, 16–20; AGWB I, к. 19–28, 34–36; II, к. 43, 44, 47, 48, 50, 52; III, к. 147, 149].

¹ На древневолыньском диалекте говорили волыняне и, возможно, бужане (если последние населяли бассейн именно Западного, а не Южного Буга). Различие между говорами древлян и полян на современном материале не прослеживается.

² Праслав. *ja = *a после мягких согласных и *j.

³ Только в западнополесских говорах северногалицкого происхождения удлинение *e, *o имело место и в безударных слогах, а затем сокращались любые безударные долгие гласные, при этом заударное *ę > iǣ, а не > æ > e, как в дулебском, см. [6, § 3.15].

⁴ Восточнополесские формы глибок[уй]и, -к[уе]й и т. п. [АУМ I, к. 241] имеют окончания, заимствованные из форм с нафлексивным ударением.

Пра-слав.	ПД	В современных диалектах		ПД	В современных диалектах	
		Под ударением	В заударных конечных открытых слогах		В 1-м предударном слоге	В остальных безударных слогах
*ě	*ē	<i>died</i> (d'jed, d'id) или <i>ded</i> (did, d'id, did)	*w <i>xátie</i> (w <i>xát'e</i> , w <i>xát'i</i>) или w <i>xáte</i> (w <i>xátì</i>)	*e	<i>stená</i> (<i>stiná</i>)	(нет картографированного материала)
*ę	*ǣ	wz'aw, wz'iew (wz'ew, wz'iw); <i>mjášo</i> , <i>mjęšo</i> (<i>mjiso</i>)	<i>vím'ja</i> , <i>vímje</i> (<i>vímji</i>)	*æ	*e > <i>petá</i> , <i>trislá</i> (<i>pítá</i> , <i>trislá</i>) или *iǣ > <i>pjatá</i> , <i>pjetá</i> (<i>p'itá</i>), <i>trastá</i>	<i>déset'</i> , <i>dévet'</i> (<i>désit'</i> , <i>dévit'</i>)
*o (перед *ь, *ь)	*ō	<i>kuon'</i> (<i>kuən'</i> , <i>k'ün'</i> , <i>k'in'</i>) или <i>kön'</i> (<i>kuñ'</i> , <i>k'ün'</i> , <i>k'in'</i>)	—	*o	<i>pod-</i> (безударные предлог и префикс), и <i>konc'ie</i> (-e, -í, -čí)	<i>rádos't'</i> ⁴
*e перед *ь	*ē	<i>pieč</i> (p'ječ, p'ič, pič) или <i>peč</i> (pič, p'ič, pič)	—	*e	(нет картографированного материала)	<i>kámen'</i> (<i>kámin'</i>)
*e перед *ь	*ǣ̄	<i>l'iod</i> (l'üød, l'üäd, l'üd, l'id) или l'öd (l'üd, l'id)	—	? *œ	(нет картографированного материала)	<i>kón'om</i>

1.4. Дулебское противопоставление (долгих) рефлексов *ě под ударением и в заударных открытых конечных слогах (кратким) рефлексам *ě в прочих безударных слогах находит любопытную аналогию в русских говорах. О специфическом безударном рефлексе *ě можно судить только по русским “ока-

ющим” говорам, в которых различаются рефлексы гласных не-верхнего подъема после мягких согласных.

В большинстве современных севернорусских говоров рефлекс *ѣ > /ѣ/ ([іе, ę]) отличается от рефлекса *е, *ь. О фонологическом единстве рефлекса *ѣ в русских говорах говорит использование в письменных памятниках буквы “ѣ” под ударением и без него – в частности, в московских XIV–XV вв. и новгородских с X в. Различие между предударными рефлексами *ѣ и *е, *ь характерно и для большинства севернорусских говоров.

Особый случай представляют собой говоры, в которых предударный *ѣ перед твердыми согласными отражается как /о/ и совпадает с рефлексом *е, *ь: *гн’оздѣ, в’одрѣ, зв’оздѣ* как *с’острѣ, св’окрѣвь*. В этих говорах перед мягкими согласными / кластерами рефлексы *ѣ и *е, *ь также совпадают (исключение – некоторые говоры смешанного происхождения): *д’елѣт’* как *т’ел’ѣнок* (редко *д’ил’ѣт’* как *т’ил’ѣнок*). В заударных неконечных и закрытых конечных слогах перед твердыми согласными / кластерами *ѣ > /о/, но чаще вторично > /а, е, і/ вследствие фонетической редукции [ДАРЯ I, к. 23]. В безударных конечных открытых слогах *ѣ имеет рефлекс /е:/ ([е·], [і]), аналогичный рефлексу *ѣ под ударением. В этих говорах обычно отмечается и предударное /е/ на месте *ѣ, однако оно объясняется морфонологической аналогией (*гн’оздѣ*, но в *л’есу* по аналогии с *л’ес / л’ѣс*) – см. [ДАРЯ I, к. 4–6]. Иными словами, для этих говоров надо предполагать древнейшее – до перехода [е] > [о] перед твердыми согласными – совпадение предударных рефлексов *ѣ, *е (и *ь), аналогичное дулебскому.

Говоры этого типа мозаично рассеяны по северо-западу, а на востоке образуют компактные ареалы между Бежецком и Клином, Ярославлем и Юрьевцем, а также расположены в Поволжье к юго-востоку от линии Муром – Юрьевец. Эти говоры, вероятно, восходят к позднепраславянскому ростово-суздальскому диалекту, на котором говорили носители археологической культуры, характеризовавшейся браслетообразными височными кольцами с сомкнутыми или заходящими концами [4, 43–48; 5, 15–16; 7, 194–195; 8, 388–397].

Именно в этих говорах отмечен переход *ь > *ь в корне *дѣп- ‘дно’ перед переднерядными гласными и *ј: *о[д’ѣ]нье*,

о[д'и]нье⁵; *дѣнце* ‘доска для укрепления гребня в самопрялке и для сидения при работе, донце’ (Меленк. Влад., также Нижегород., Никол. Волог.); *дѣнышко* ‘донышко’ (Кинеш. Костром., Влад., Яросл.), а также эти формы и *дѣнка*, *дѣнко*, *дѣнник*, *дѣнник*, *дѣнной* и *дѣнный* в говорах позднего расселения [СРНГ 7, 351–353]; *одѣнок* ‘остаток сена, соломы, хлеба на месте стога, скирда’ (Яросл., Твер.); ‘нижний слой сена, соломы в стогу’ (Калин., Костром., Яросл., Моск.); ‘гуща, осадок на дне сосуда от масла, кваса и т. п.’ (Иван., Волог.), также в говорах на территории позднего расселения [СРНГ 23, 12–13]. Эта изоглосса сближает ростово-суздальский диалект с украинскими полесскими, а также подольским, (южно)волынским и галицким (карпатоукраинским) диалектами – укр. литер. *денце* и т. д.

Другой “западной” чертой ростово-суздальского диалекта была изоглосса (в древнерусской нотации) *кричѣти* (*кричѣль*), *дыржѣти* (*дыржѣль*), *дышѣти* (*дышѣль*), *дичѣти* (*дичѣль*) с восстановлением суффикса *-ѣ- после шипящих по аналогии с другими *ѣ/i-* и *ѣ/ѣj-* глаголами. В Белоруссии конфигурация южной границы форм *маўч[ѣ]ць*, *маўч[ѣ]ла* и т. п. [ДАБМ, к. 36] близка к северной границе полесских говоров⁶. Эта центральнобелорусская особенность характерна также для лехитских языков⁷. Такие формы не характерны для большинства белорусских и русских говоров кривичского происхождения [ДАРЯ II, к. 103; 7, 44].

Наряду с грамматическими различиями, между восточнославянскими диалектами позднепраславянского времени существовали и значительные лексические различия, во многих случаях сохранившиеся до наших дней, характеризующие различные диалектные ареалы. В частности, П.Е. Гриценко были отмечены эксклюзивные лексические параллели между украинскими и восточнорусскими говорами.

⁵ В [7, 128 и к. 3] они неверно трактовались как “кривичские” с допущением локального смягчения согласных в *о[дѣ]нье, о[дѣ]нье – формах, характерных для псковских говоров.

⁶ Формы типа *маўч'ѣў* в полесских говорах белорусского юго-запада исторически не связаны с данной изоглоссой, в них -е- ([ѣ]) восходит к древневолынскому *iǣ, так же как т'ѣгне < *tęgne(ть) и т. п.

⁷ Данные лехитских языков даже позволяют предположить, что суффикс -ль- в формах *кричѣти*, *дышѣли* и т. д. (перед мягкими согласными) является исконным рефлексом *ѣ (монофтонгического), в других славянских диалектах совпавшего с *а после палатальных согласных во всех позициях: ср. польск. *czas ~ wczesny, doczesny*, ст.-польск. *żal ~ o żeli* и т. п., где *a*, чередующееся с *e*, происходит только из раннепраслав. *ĕ [1, 83].

Одновременное наличие в ростово-суздальских говорах этих генетически не связанных между собою изоглосс позволяет предположить миграцию носителей будущего ростово-суздальского диалекта из ареала, сопредельного с полесским.

1. *Абраменко О.А., Николаев С.Л., Тер-Аванесова А.В., Толстая М.Н.* Системы соотношения gen. и dat.-loc. *a*-основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М. 2013.

2. *Беларуская мова: энцыклапедыя / Пад рэд. А.Я. Міхневіча.* Мн. 1994.

3. *Мойсієнко В.М.* Фонетична система українських поліських говорів у XVI–XVII ст. Житомир. 2006.

4. *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М. 1988.

5. *Николаев С.Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. № 6. 2011.

6. *Николаев С.Л., Тер-Аванесова А.В., Толстая М.Н.* Вокализм полесских говоров в праславянской перспективе // Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации. М. 2013.

7. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М. 1982.

8. *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М. 2002.

АУМ Атлас української мови: в 3 т. Т. 1–3. К. 1984–2001.

ДАБМ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мн. 1963.

ДАРЯ Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1: Фонетика. М. 1986.

СРНГ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. М., Л. 1972; Вып. 23. М., Л. 1987.

AGWB Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. T. I. Wrocław. 1980.

POLESIAN-AND-EAST RUSSIAN PHONETIC ISOGLOSSES OF LATE PROTO-SALVIC ORIGIN

The present paper concerns two isoglosses: reflexes of the Proto-Slavic pretonic vowel *ě and development *дѣн- > *дѣн- both in the Ukrainian and Belarusian Polesian and East Russian dialects. These isoglosses may correlate with recovery (or detention?) of the suffixal Early Proto-Slavic *ě (> *a in main Slavic languages) in the verb class of *kričati, *dyšati, *dyržati.

УДК 81'28
ББК Ш 141-5я43
Д44

Д44 **Діалекти в синхронії та діяхронії: загальнослов'янський контекст** [тези доповідей міжнародної конференції] / За ред. П.Ю. Гриценка. Ін-т укр. мови НАН України. К.: КММ, 2014. 524 с.

ISBN 978-966-1673-22-8

У книзі вміщено тези доповідей учасників міжнародної конференції “Діалекти в синхронії та діяхронії: загальнослов'янський контекст” (Київ, 31 березня – 2 травня 2014 року), присвячені актуальним питанням сучасної діалектології української та інших слов'янських мов. Висвітлено проблеми діалектної лексикології, фонетики, акцентології, ономастики та граматики.

У дослідженнях порушено теоретичні й практичні питання старожитніх і новостворених говірок слов'янських мов у синхронії та діяхронії; з'ясовано питання контактування різних за структурою українських говірок та міжмовну взаємодію.

У збірнику – праці мовознавців України, Росії, Білорусії, Польщі, Молдови та Норвегії.

Для науковців, викладачів, студентів.

The proceedings contain the studies on actual issues in modern dialectology of Ukrainian and other Slavic languages. There are the studies that was presented on international conference “Dialects in synchrony and diachrony: the Slavic context” (Kyiv, March 31 – April 2, 2014). Problems of dialectal lexicology, phonetics, accentology, onomastics and grammar are raised in the book.

The investigations in dialectology of Ukrainian and other Slavic languages presented in proceedings are done both in view of synchrony and diachrony, both in light of language systems and interlanguage features.

There are researches of linguists from Ukraine, Russia, Belarus, Poland, Moldova and Norway in the book.

For scientists, lecturers, students.

*До друку схвалила вчена рада Інституту української мови НАН України
(протокол № 2 від 4 березня 2014 р.)*

Редколегія:

П.Ю. Гриценко, доктор філологічних наук, професор (голова редкол.);

О.С. Іщенко, кандидат філологічних наук (секретар);

Н.С. Вербич, кандидат філологічних наук;

Г.С. Кобирилка, кандидат філологічних наук;

М.В. Поїстогова, кандидат філологічних наук;

М.М. Ткачук, кандидат філологічних наук.

Інститут української мови НАН України © 2014

Автори © 2014

М ТОВ «КММ» © 2014